

-блааанглииир-

Кикимер услышал, как его госпожа начала разбивать вещи на куски - вещи, которые, как он знал, ему придется чинить, когда она исчерпает свой пыл.

Затем он вернулся к ручной полировке серебра. Конечно, он мог бы использовать для этого магию, но ему не только нравилось делать это вручную, но и это давало ему повод не уходить на некоторое время - более чем достаточно, чтобы его госпожа успокоилась. В последние годы ее нрав становился все хуже, заставляя Кикимера быстро вырабатывать новые инстинкты выживания.

К счастью, она наносила ущерб в комнате, где не хранились семейные реликвии - в общем-то, там не было ничего ценного.

Кикимеру пришлось вспомнить о медальоне, стоявшем в стеклянном футляре в гостиной. Его хозяйка не задалась вопросом о его внезапном появлении и отнеслась к нему как к одной из многих реликвий, доставленных из хранилища и выставленных на всеобщее обозрение. Она была на виду и при этом находилась в самом безопасном месте, какое только можно себе представить.

Кикимеру не стоит сейчас думать о таких вещах, напомнил он себе, возвращаясь к своей трудоемкой работе.

...22 ноября, поместье Крауч...

Бартемиус Крауч-старший выглянул из окна своей скромной усадьбы, но не увидел за окном холодного ноябрьского дня. Нет, его мысли были заняты совсем другим.

Все, что я сделал для общества, обеспечивая его безопасность в самое темное время, и вот как они меня благодарят? Хныканье этого маленького слабака, укачивающего их, показывает, насколько они слабы, подумал он с глубоким разочарованием.

Всего неделю назад он был на вершине, а теперь все это может исчезнуть в мгновение ока.

Краучу казалось, что это очень несправедливо. Он отдал много сил и времени, чтобы дать отпор Пожирателям смерти, угрожающим свергнуть магическую Британию. Конечно, были и те, кто ныл, что его методы похожи на использование огромной дубины для раскалывания грецкого ореха, что в системе правосудия царит несправедливость, а его методы - например, разрешение использовать Непростительные - стирают всякую разницу между ними и врагами, но он быстро научился не обращать на них внимания.

Однако после сцены, которую его непутевый сын разыграл в суде, чтобы выставить себя жертвой холодного сердца отца, не говоря уже о том, что его сын был Пожирателем смерти,

эти слабаки вылезли из своих нор, почуяв шанс укокошить его.

Он понимал, что эти события ставят под большое сомнение его шансы стать министром магии на следующих выборах. Ему казалось, что эти слабаки проповедуют общественности, что теперь он выглядит как хладнокровный ублюдок, который сначала пренебрег своим сыном, а затем использовал суд кенгуру, чтобы быстро избавиться от напоминания о своем провале на шатких доказательствах. Вина или невиновность не интересовали этих баранов, их интересовало только то, как это выглядит. Конечно же, пресса снова привлекла внимание к его методам ведения войны.

В мирной обстановке легко читать нравоучительные лекции. Они и понятия не имеют, что цель оправдывает средства, - с горечью подумал он, вспоминая последний номер "Ежедневного пророка".

Хотя в данный момент его репутация была еще высока, даже он видел, что она начинает падать. Еще несколько таких месяцев, и он понял, что его карьера зайдет в тупик. В Министерстве уже поговаривали о том, чтобы назначить его руководителем Департамента международного магического сотрудничества. По его мнению, это было не лучше, чем получить стол с магическим окном. Он знал, что они не могут убрать его прямо с поста, поэтому они думали дать ему этот департамент, чтобы убедиться, что он останется на тупиковой работе без надежды когда-либо снова подняться на более высокую должность.

Он был жертвой во всем этом, это уж точно.

Они, конечно, не понимают, что ради общего блага приходится идти на жертвы. Они наивны, если думают, что можно получить безопасность бесплатно, - тихо проговорил он.

Почувствовав, что в доме кто-то есть, он оглянулся и заметил стоящую в дверях жену.

Только сейчас, после войны, он начал замечать, что в ней произошли изменения. Она выглядела худее, чем он помнил, и к тому же немного бледнее. Это заставило его задуматься, почему он не заметил этого раньше, ведь вряд ли это произошло недавно. Изменился и язык ее тела. Она больше не была тем открытым человеком, каким была раньше. Теперь она выглядела настороженной и замкнутой. Действительно, она не произнесла ни слова и лишь бросила на него нечитаемый взгляд, после чего развернулась и ушла.

Такое странное поведение заставило его задуматься о том, что с ней происходит. Может, это из-за недавних событий? Она была разочарована тем, что их сын оказался Пожирателем смерти, или винила его за то, что он выполнял свою работу, и бросила его в Азкабан за его поступки?

Теперь он начал беспокоиться и о ней, в дополнение к остальным своим проблемам.

...Тисовая улица, 25 ноября...

Припарковав машину после возвращения с работы в Грюнингсе, Вернон Дурсли с удивлением увидел, что в соседнем доме № 6 и вокруг него кипит бурная деятельность. Уилкены съехали на прошлой неделе, и он ожидал, что дом какое-то время будет пустовать. То, что они так быстро нашли покупателя, было удивительно. Он был уверен, что Петуния сможет рассказать ему об этом подробнее - в конце концов, она всегда была в курсе всех событий в этом районе.

"Привет, Петуния. Похоже, у нас появились новые соседи", - поприветствовал он ее в доме, зная, что это подходящая приманка.

"О, действительно, Вернон. Это очень интересно". Она очень гордилась тем, что ничего не пропускает в округе. "Все началось сразу после того, как вы ушли на работу. Кто-то не только переезжает, но и следит за тем, чтобы дом содержался в порядке. Думаю, они уже почти закончили".

Вернон слушал с интересом, понимая, что, кто бы ни переезжал, у него есть серьезные деньги. Он чуял возможного соперника в социальной игре. "Интересно, кто переезжает?"

Теперь Петуния выглядела немного смущенной. "Честно говоря, я пока не знаю. Кто бы это ни был, они еще не приехали. Интересно, что это за люди?"

"У них должны быть деньги или, по крайней мере, хороший кредитный рейтинг, чтобы получить поддержку от банка, иначе они не смогли бы купить этот дом", - заключил Вернон, вешая пиджак и снимая галстук. "Уверен, мы узнаем об этом очень скоро".

Петуния тем временем снова смотрела в окно, не произошло ли чего-нибудь нового. Внезапно она заволновалась. "Ах, Вернон! Что-то происходит. Я... ну, это не машина".

Удивляясь, о чем говорит жена, он подошел к окну и увидел, что она имеет в виду. "Мотоцикл", - хмыкнул он, уже не одобряя увиденного. "Никто, достойный уважения, не будет ездить на таком".

При всем своем забвении Вернон умел быстро судить о других людях по их месту на социальной лестнице. Для него люди, у которых есть деньги, чтобы купить дом, но которые настаивают на вождении мотоцикла, не имели никакого класса и, следовательно, уже были для него низшими. В конце концов, он действительно умел создавать предрассудки в отношении людей, с которыми даже не был знаком.

"Да, Вернон, у этих людей, должно быть, есть деньги, но нет класса". Глаза Петунии расширились, когда она увидела, как всадник помогает пассажиру выбраться из коляски. "Боже правый, Вернон, посмотри на это!"

"Я вижу". Настроение Вернона упало, когда он увидел, что к дому идут двое мужчин.

У Вернона и Петунии были определенные представления о людях и обществе. Для них было просто немыслимо, что двое взрослых мужчин могут жить в одном доме просто как друзья, которые делят этот дом. Нет, по их мнению, то, что эти двое мужчин так хорошо знакомы друг с другом, и то, что они живут в одном доме, могло означать только одно: эти двое - геи (и не в смысле "счастливые").

Супруги Дурсли разделяли кодекс предрассудков по отношению к определённым социальным группам, и геи были в их списке неприемлемых уродов, которых они не могли терпеть. В их голове уже сложился итог: бесклассовые хамы, у которых слишком много денег, чем они хороши, и вдобавок они геи. Да, они уже составили свое мнение о новых соседях, и Петуния поклялась, что настроит мнение соседей против этих незваных гостей в их рай для среднего класса.

Так было до тех пор, пока Петуния не разглядела одного из мужчин, когда он шагнул в свет, падающий от входной двери. "О нет!" - взвизгнула она.

"Петуния?" Внезапная перемена в настроении жены обеспокоила Вернона.

"Я узнаю этого человека! Он один из них!" Ее голос был близок к панике.

Теперь и Вернон начал паниковать. "Ты уверена?!"

"Помнишь, как моя сестра познакомила нас со своим не очень хорошим парнем? Когда мы уходили, нам навстречу попался этот грубиян? Он был одет как один из этих байкеров", - сказала она мужу.

Вернон вспомнил. Мужчина уже собирался в гневе выхватить у них палочку, когда Джеймс Поттер вскочил и прочел ему лекцию о том, что они договорились, что им не нужна подмога и что он не будет тащить его задницу из тюрьмы. Вернон побледнел при этом воспоминании. "Но... это значит, что второй тоже должен быть одним из них!"

"О, Вернон, что же нам теперь делать?" Петуния была в ужасе от мысли, что соседями могут быть волшебники.

Это был один из их худших кошмаров, ставший явью. Если они попытаются что-то сделать, чтобы избавиться от этих двоих, даже если это будет просто подрыв их репутации, чтобы заставить их уйти, то, по их мнению, в ответ они превратят их в лягушек или еще хуже. Их неприязнь к новым соседям теперь сдерживалась страхом перед тем, что могут сделать с ними два взрослых волшебника, если их разозлить.

Они даже не подозревали, что Сириус и Ремус прекрасно осведомлены о том, что они шпионят за ними.

"Похоже, они действительно думают, что мы не заметим их, стоящих в освещенном окне", - фыркнул Сириус. "Морж стал гораздо толще, чем я его помню, а Петунья теперь напоминает бобовый стебель своей худобой".

<http://tl.rulate.ru/book/104708/3664641>